

Ветер перемен

У последней перты

ЛЮДМИЛА КОТЛЯРОВА
ВЛАДИМИР ГУРВИЧ

Аннотация

Юрий Саянский — владелец крупной строительной компании. Человек деспотический, он довел свою семью до того, что они, будучи членами Совета Директоров, решили сместить его с должности главы компании. Это относится к его жене Юлии, бывшей фигуристке, которой он не разрешает участвовать в новом ледовом шоу вместе с бывшим партнером Гордеевым; дочери Яны, решившей жить самостоятельно; сыну Андрею, которого он заставляет учиться в Финансовой академии в то время, как он хочет заниматься лошадьми. Среди недовольных также его старый друг Петр Пономарев: его сына Саянский выгнал из компании. Закоперщиком же заговора выступает его племянник Коршунов, давно мечтающий занять его место...

Людмила Котлярова, Владимир Гурвич У последней черты

Глава 1

1

Валерий Коршунов с самого утра был не в духе. И дело было не в том, что проснулся он сегодня с головной болью. Пара таблеток цитрамона решила проблему за три минуты. И даже не в пресловутой плохой погоде. Хотя погода действительно сегодня была дрянь. Все утро лил проливной дождь, дороги были забиты под завязку, и Валерию пришлось до своего офиса не ехать, а ползти. Но все это было бы ничего и вполне терпимо, если бы не шеф.

Саянский Юрий Александрович, 45 лет от роду, его родной дядя и одновременно президент крупной строительной компании, одной из ведущих на строительном рынке Москвы, созвал сегодня совещание. Вполне обычное, каких он проводит по несколько раз в неделю. Но сегодняшнее собрание вывело Валерия из себя. Саянский напомнил членам совета директоров, что близится собрание акционеров, на котором предстоят выборы

президента компании. И даже пошутил, что вполне возможно, что скоро у них появится новый босс.

Вот уж, где настоящий фарс, так фарс, раздраженно думал Коршунов. Всем понятно, что мероприятие с заранее известным финалом. Само собрание чистая формальность, ведь все члены совета директоров являются по совместительству еще и членами семьи Саянского, кроме одного залетного Понамарева. И ясно, как день, за кого будут голосовать акционеры. Именно это-то и бесило Коршунова весь остаток дня. Ему уже давно до ужаса надоело ходить под своим дядей, человеком жестким и авторитарным, не признающим вокруг себя никого в качестве равного себе. Только собственная персона вызывала у Саянского почет и уважение. А все остальные так, мелочь, ничего не значащая шелупонь, что крутится у него под ногами.

Коршунов застонал от бессильной ярости, вспомнив, сколько унижений и попреков в своей убогости и никчемности он наслушался от своего дяди за всю свою жизнь. Благо его жизнь в доме своего родственника протекает уже давно. Почти четверть века. С тех самых пор, как погибли его родители, и дядя милостиво взял племянника в свою семью. Коршунов теперь понимает для чего он это сделал. Не от великого человеколюбия, а от великой жажды самоутвердиться за его счет,

жажды пинать и унижать его, как последнего... Коршунов заметил, что руки его невольно сжались в кулаки от всех этих нерадостных мыслей.

Нет, это никуда не годится. Надо срочно успокоиться. Черт с этим дядей. Ситуация все равно неразрешимая, так стоит ли тогда так изводить себя. Лучше пойти и храпнуть водочки для успокоения так некстати расходившихся нервов.

Коршунов едва дождался конца рабочего дня. И первое, что он сделал, войдя в квартиру, ринулся на поиски заветной бутылочки. На привычном месте ее не оказалось. Коршунов вспомнил, что они же выпили ее в эти выходные. К его жене Галке приходили родители. Пришлось израсходовать весь стратегический запас. Но Коршунов не расстроился. Он знал, что у Галки всегда есть записка на случай неожиданного прихода какой-нибудь ее подружки. Правда, пьют бабы всякую дрянь, красное винище. Вот мерзость. Но сейчас и оно пойдет. На безрыбье потянет за вполне приличную выпивку. Коршунов ринулся к шкафу, где лежали вещи жены. Бутылочка не обнаруживалась. Но Коршунов не унывал и продолжал рыть. Не может быть, чтобы не было.

Коршунов стал обследовать все полки подряд, надеясь все-таки найти заветную записку, но безрезультатно. Он бессильно опустил на пол. Он

сидел среди вороха вещей жены, выкинутых им в порыве поисков, и бездумно перебирал всю эту кучу барахла. Все эти вещи его женушка именует прикольными дамскими штучками. Неожиданно рука его наткнулась на толстую тетрадь.

Коршунов открыл ее, машинально пробежал глазами первые строчки. Взгляд его сразу стал осмысленным и заинтересованным.

— Вот это да! — Валерий даже присвистнул от неожиданности. Дневник. Его дражайшая половина, оказывается, ведет дневничок, как сентиментальная тургеневская барышня. Коршунову стало безумно интересно, что бабы пишут в таких тетрадочках. Он погрузился в чтение.

Прошло полчаса, а Коршунов все читал и читал и никак не мог оторваться. Еще пару часов назад, если бы его спросили, он сказал бы, что знает свою супругу, с которой они женаты целых три года, как свои пять пальцев, вдоль и поперек. Ему иногда с ней становилось даже скучно, насколько знакомой и зачитанной до дыр книгой казалась ему она. А вот, поди, ж ты! Вчитываясь в эти строки, он обнаружил вдруг, что оказывается, совсем не знает свою вторую половину. На страницах этого дневника вырисовывался образ совсем незнакомой ему женщины.

— Вот дрянь! — выругался Коршунов. Овцой

прикидывалась, а сама, оказывается, мечтала о тряпках, и побрякушках, как и все ее безмозглые подружки. Столько прочитал уже страниц — и все про это. А говорила, что просто любит его и, кроме его любви ей ничего на свете не надо.

— А это еще что! — Брови Коршунова изумленно поползли вверх. У него невольно дернулась щека и задрожали губы, когда он прочитал следующие строки:

«Сегодня Валерка сделал мне предложение. А на лице уверенность, как будто я всю жизнь мечтала об этом браке. Думает, если я дочь алкаша, так рада за первого встречного поперечного замуж выйти? Смешной. Считает, что я влюбилась в него по уши. А он мне вообще-то до лампочки. Да и за что его любить? Так! Ни рыба, ни мясо. Не то, что его дядя. Вот это мужик, так мужик. Сильный, красивый, смелый. Я б за таким, помани он меня пальцем, не то что пошла, побежала бы. Да нет, ползком поползла бы. Только Юрий Александрович никогда не сделает мне предложение. Пока не сделает. Женат, к сожалению. Ну и пусть. Я подожду, когда его мымра Юль свет Алексеевна, состарится. А тут и я во всей красе. Ничего я терпеливая. Я дождусь своего часа. А чтоб ждать не скучно было, мой идеал всегда рядом должен маячить. Поэтому, Валерочка, я все-таки скажу тебе: да. И стану твоей женой. Чтобы преданно и

верно любить, но только не тебя дурачка, а твоего дядю. Бог даст, я найду когда-нибудь к его сердцу лазеечку».

— Вот сука! — Коршунов со всего размаху швырнул дневник на пол. — Тварь! Змея подколотная! Пригрел на шею гадюку, — поочередно выкрикивал он. — Ну, ничего, я покажу тебе! И тебе и твоему разлюбозному! Вы у меня еще попляшете! Оба!

Коршунов резко встал и ринулся вон из квартиры к ближайшему ларьку. Ему сейчас хотелось уже не просто выпить, а напиться. Напиться, как свинья, в стельку, чтоб до поросычьего визга. Потому что, возможно, это последний раз. Последний, перед великой битвой, в которой он должен выйти непременно победителем.

2

Юлия Алексеевна Саянская подъехала к кафе «Скоморохи», расположенном в одном из самых удаленных районов города. Припарковав, свою сверкающую свежевывмытыми лаковыми боками новенькую Мазду, она выпорхнула из машины, как райская птичка, лучась красотой, свежестью и беззаботностью. Прямо перед входом в заведение растекалась огромная большая лужа. Прошедший накануне дождь щедро наградил жителей города не

только растекшей по улицам водой, но и грязью, которая толстым жирным слоем покрывала асфальт.

Саянская поморщилась и осторожно обошла лужу, чтобы не испачкать дорогие французские туфельки. Она совсем недавно приобрела их в Париже, куда она ездила с мужем перед самым Новым Годом. Саянский был там по делам фирмы, а она поехала с ним просто так: развеяться, вдохнуть парижского воздуха и, конечно же, устроить себе грандиозный шопинг.

Воспоминания эти были явно некстати, так как Юлия Алексеевна потеряла бдительность и вляпалась все-таки в эту мерзкую лужу. Досадуя на свою оплошность, а также на своего визави, который назначил ей встречу в этом затрапезном кафе, Саянская раздраженно распахнула двери и вошла вовнутрь. Поискала глазами по залу. Из-за столика, расположенного рядом с окном, встал незнакомый человек и шагнул ей навстречу. Лицо человека озарила радостная улыбка.

— Боже мой, Александр! Я совсем не узнала тебя, — невольно вырвалось у Саянской.

— А ты не изменилась. Все такая же красивая. — Гордеев смотрел на Саянскую во все глаза. — Нет, все-таки изменилась. Стала еще красивее и моложе.

— Вот теперь узнаю тебя. — Саянская

погрозила Гордееву пальчиком. — Все такой же дамский угодник.

Гордеев помог Саянской сесть и устроился напротив нее. Подошел официант. Юлия заказала фруктовый салат и зеленый чай, Гордеев бокал пива и креветки.

Саянская смотрела на Гордеева, и с грустью осознавала, как все-таки жестоко время. Никого не щадит. Особенно мужчин. Ее бывший партнер по парным танцам на льду, знаменитый спортсмен, известный всей стране Александр Гордеев, выглядел сейчас не самым лучшим образом. Мешки под глазами, землистый цвет лица, хоть небольшой, но все-таки животик. Трудно узнать в этом уставшим от жизни мужчине бывшего красавца, сводившего с ума половину всех женщин огромной страны. Юлия прекрасно помнит, что когда они выходили на лед вместе, женщины на стадионах вставали и встречали его шквалом непрекращающихся аплодисментов. А сколько поклонниц у него было. Как они преследовали его на каждом шагу и ненавидели ее за то, что она всегда рядом с их кумиром. А он не обращал на них никакого внимания. В упор не видел. Как будто не было их совсем и все тут. Хотя другие фигуристы иногда заводили романы со своими фанатками, но не Гордеев. Для него существовала только одна женщина: его партнерша Юленька. И надо

признаться, что она отвечала ему взаимностью. Александр нравился ей. И кто знает, может быть, однажды дело закончилось бы пышной свадьбой.

Но судьба распорядилась по-другому. Она встала на их пути в виде молодого и уверенного в себе Юрия Саянского. Саянский ворвался в Юлину жизнь, как смерч, как тайфун, который увлекает за собой все, что попадает на его пути. Юлия даже не заметила, как попала в головокружительную воронку его страсти, выбраться из которой у нее не было сил. Она влюбилась и оглянуться не успела, как на ее пальчике золотом засияло обручальное кольцо. Новый муж сразу же наложил вето на ее занятие фигурным катанием. Гордеев остался не удел, попытался найти себе новую партнершу, но кажется, ничего у него из этой затеи не вышло. Что с ним было дальше, Юлия не знала. Да и знать особенно не хотела. Ее закружила семейная жизнь. Она потеряла Гордеева из вида и вот теперь через столько лет, он сидит перед ней в кафе, пьет пиво и закусывает креветками.

— Как ты жила все это время? — спросил Гордеев.

— Жила, — неопределенно пожала плечами Саянская. — Занималась семьей, растила детей. В общем, ничего особенного, жила, как все живут.

Юлия вдруг поймала себя на мысли, что ей и рассказывать ему особенно нечего. Об ее отрезке

жизни длиною в двадцать лет можно сказать всего-навсего тремя словами: дом, муж, дети. И на этом поставить жирную точку. Саянскую охватило странное ощущение, как будто она стоит на обочине, а мимо нее проносится настоящая жизнь: яркая, насыщенная, содержательная. И к ней она сама не имеет никакого отношения.

— У тебя дети? Сколько? — поинтересовался Гордеев.

— Двое. Сын и дочь.

— Счастливая, а у меня ни семьи, ни детей, — горько обронил Гордеев.

— Почему?

— Да как-то не сложилось. Я после твоего замужества в Америку подался. Работал тренером, женился. А потом все прахом пошло. Контракт закончился, с женой развелся и вот я здесь.

— Невеселая история, — подавленно произнесла Юлия.

Она чувствовала, что в его жизненных неудачах отчасти виновата она. Останься она тогда в спорте, все могло быть по-другому. Ведь их пару прочили в чемпионы мира...

— А я ведь с тобой встретился не для того, чтобы жаловаться на судьбину, — в голосе Гордеева Юлия уловила оптимистические ноты. — Мне поступило одно интересное предложение. И я подумал, что почему бы не обсудить его с тобой.

— Какое предложение? — сердце Юлии тревожно ухнуло, как в предощущении перемен.

— В рамках телепроекта одна очень солидная компания организует просто фантастическое ледовое шоу. Я дал согласие, а потом подумал: может, и ты составишь мне кампанию? Сколько можно дома сидеть. Ведь ты же спортсменка!

От слов Гордеева у Юлии голова пошла кругом. Она давно забыла, что такое лед и запретила себе даже об этом думать. Она на полном серьезе считала, что никогда в жизни больше не выйдет на эту гладкую и сколькую поверхность. Неужели это реально, снова ощутить это упоительное скольжение, этот полет, этот ни с чем не сравнимый драйв...

— Не знаю, что тебе и сказать, — Саянская покачала головой. — Это все так неожиданно...

— А я тебя не тороплю, время еще есть. Ты хорошенько все обдумай и через недельку мне позвони. Договорились?

— Договорились, — ответила Юлия. Хотя судьба ей предоставила недельный тайм-аут, но в глубине души она уже знала сейчас, что очень хочет принять предложение Гордеева.

3

Несколько дней, после разговора с Гордеевым

Юлия думала, как об его предложении сказать мужу, как вырвать у него согласие на свое участие в проекте. Сама она решила сразу, что хочет попробовать себя на новом поприще. Она готова была ответить согласием прямо там в кафе. Но ей стыдно было признаться Гордееву, что она в принятии этого решения, к сожалению, невольна. Поэтому ей пришлось сделать вид, что она раздумывает. Ну, не говорить же ему, что она должна спросить разрешение у своего благоверного, словно она молодая девочка, а не зрелая матрона, у которой уже двое взрослых детей.

Еще на самой заре их совместной жизни Саянский занял категоричную позицию: Юле в спорте не бывать! Никогда. Таким образом, круг ее интересов резко сужался до размеров семьи. Юлия надеялась, что с тех пор много воды утекло. Дети уже выросли и не требуют такого пристального внимания матери, как раньше. Да и муж ее, как ей кажется, последнее время как-то отдалился от нее. Она вроде осталась не у дел. Может она зря мучается и, и Юра по прошествии времени он изменил свою позицию.

Раздумывая над этой проблемой, Юлия постепенно убедила себя, что так оно и есть, что муж поддержит ее в этом желании и что осталось чисто формально попросить его согласия.

К завтраку Юлия вышла с надеждой на то, что

сегодняшнее утро принесет ей удачу и течение ее однообразной жизни изменится. Она специально приурочила изложение своей просьбы на утро. Ей не терпелось получить согласие мужа уже сегодня. До вечера она просто извелась бы вся. Да и Юрий, возможно, не стал бы ее слушать вечером, настолько измотанным и уставшим он иногда бывал после напряженного рабочего дня.

Когда Юлия вошла в столовую, Саянский уже чисто выбритый и при полном параде заканчивал завтрак. В руках его дымилась чашка с кофе, которым он традиционно завершал утреннюю трапезу.

— Доброе утро, милый, — Юлия чмокнула его в щеку, стараясь проделать этот чисто формальный жест, как можно нежнее. Муж никак не реагировал. Машинально поздоровавшись, продолжал думать о чем-то своем.

Юлия бросила взгляд на стол. Полина постаралась сегодня. На столе дымилась полная тарелка свежеиспеченных пирожков с мясом. Муж их просто обожал. И вчера Юлия специально заказала на завтрак его любимое блюдо. Сама она к ним никогда не притрагивалась, предпочитая диетические блюда. Сказывалась давнишняя спортивная привычка: только здоровая сбалансированная диета. Даже потом, когда она распрощалась со спортом навсегда, Юлия

продолжала не позволять себе ничего лишнего. Ведь со стройной фигурой и крепким здоровьем она прощаться не собиралась.

Юлия смотрела на мужа, рассеянно отправляющий в рот уже страшно даже подумать какой по счету пирожок, и продолжала медлить с началом разговора. Слова, которые она собиралась произнести, вертелись у нее на языке, но ей не хватало духа произнести их. Наконец, она решилась.

— Юра, у меня к тебе очень важный разговор, — от волнения Юлия схватила с тарелки аппетитный пирожок и стала есть его без ощущения вкуса. Муж с удивлением посмотрел на нее. Это невиданное зрелище заставило его встрепенуться и оторваться от своих важных дум. Глядя на жену, жуящую жаренный пирожок, он почувствовал что-то неладное.

— Что-то случилось? — Саянский с тревогой смотрел на жену.

— Нет, ничего особенного, — Юлия старалась говорить непринужденно, но когда ее рука потянулась за вторым пирожком, Саянский не выдержал.

— А ну выкладывай в чем дело?

— Вчера я встречалась с Александром Гордеевым. Помнишь его?

Лицо Саянского при этих словах приобрело

кислое выражение.

— А, твой несостоявшийся муж. Как же. Отлично помню. Он мне тогда все грозился морду набить. Заметь не лицо, а именно морду. А ведь под интеллигента косил. Но я на него за это не в обиде. Такие очевидно, у некоторых людей представления о хороших манерах.

— Причем тут это. У тебя привычка вспоминать в первую очередь все дурное, — Юлия потянулась уже за третьим пирожком. Саянский перехватил ее руку и крепко сжал ее.

— Ты очень взволнована, дорогая. Так взволнована, что не замечаешь даже, что хочешь положить в рот уже третий пирожок, которые ты так ненавидишь. В чем дело? Неужели тебя так взволновала встреча с этим неудачником?

— Отпусти, меня. — Юлия постаралась, как можно мягче высвободить свою руку. Ей не нужна была сейчас ссора с мужем. — Меня взволновал не он, а то предложение, которое он мне сделал.

— Что? — Саянский зло сверкнул глазами. — Он все никак не может успокоиться. После стольких лет!

— Это не то, что ты подумал. Он всего-навсего предложил мне снова выйти на лед. — Юлия почувствовала облегчение, когда, наконец, сказала это.

Саянский оторопело смотрел на жену и

хлопал глазами. Ей казалось, что он даже не понял смысла произнесенных ею слов. Она постаралась прояснить ситуацию.

— Одна очень солидная компания разворачивает ледовое шоу в рамках телепроекта. И я хочу принять в нем участие. Мне, кажется, я уже засиделась дома и могу рассчитывать..., - Юлия осеклась, так и не докончив фразу. Реакция мужа испугала ее.

Его лицо побелело, как будто он услышал что-то совершенно оскорбительное и возмутительное для себя. Правой рукой он нервно скомкал салфетку, а затем отшвырнул ее на пол.

— Никогда, слышишь, — прошипел он сквозь зубы, поднимаясь со своего места и нависая над ней, как глыба, — Никогда! Только через мой труп!

С этими словами Саянский отшвырнул стул с такой силой, что он с грохотом полетел на пол. На громкий стук, упавшего стула, прибежала их домработница Полина. Она увидела странную картину. Ее хозяйка Юлия Алексеевна сидела за столом с глазами, полными слез, а ее хозяин такой всегда выдержанный и владеющий собой, вылетел из столовой с искаженным от злости лицом, чуть не сбив ее с ног и, кажется, даже не заметил этого.

Весь день Саянский не мог сосредоточиться на работе. Хорошо еще, что на сегодня не было запланировано никаких важных встреч и совещаний. Так, шла обычная рутина, не требующая его особенного внимания. Вконец измучившись, Саянский плюнул на все дела, которые могут подождать, и стал думать о сегодняшнем разговоре с женой. Он и сам не мог понять, отчего его так задела ее просьба. Подумаешь, захотела снова на лед. Нет, конечно, об этом не могло быть и речи. Он не для того женился, чтобы его жена целыми сутками пропадала на работе, как проклятая, а вечером возвращалась домой, едва волоча ноги от усталости. Он вполне успешен в своем бизнесе, чтобы Юлия могла себе позволить беззаботную жизнь. Конечно, можно было сказать обо всем этом ей спокойно, и не теряя собственного достоинства. Обычно все свои эмоции он держит, как деньги в сейфе, запертыми на надежный замок, и никогда не позволяет себе опускаться до истерик. По крайней мере, не часто. Но сегодня он не сдержался и позволил себе лишнее.

Порывшись в своей памяти, Саянский так и не смог вспомнить ни одного случая, когда что-то так сильно могло вывести его из себя. Вывести до такой степени, что он в ярости стал швырять салфетки и стулья. Ему было досадно еще и от того,

что Полина заметила его неуправляемую ярость. Хотя, какое ему дело до какой-то там прислуги. Тут с собой бы разобраться.

Саянский понимал, что его утренняя неадекватная реакция на просьбу жены имеет под собой основание. И он догадывается какое. Все дело в том, что вот уже несколько месяцев Саянский чувствует свою мужскую несостоятельность. У него решительно ничего не получается в постели с женой. Первый раз он объяснил ей это, сославшись на страшную усталость, потом на мифическую головную боль, потом на нервную обстановку на работе, потом... Да он и сам не помнит, что потом. Каждый раз, он уваливал от исполнения супружеских обязанностей, ища какой-то весомый предлог, лишь бы Юлия не догадалась о его недуге. Кажется, она ему верила. Но сколько так может продолжаться? В конце концов, не дурочка же она — и однажды все поймет. И он не хотел бы, чтобы именно в этот момент рядом с ней оказался Гордеев, ее бывший партнер по катанию и ухажер, метивший ей в мужья. Уж он-то не растеряется и обслужит ее по полной программе. Нет, нельзя этого жеребца и близко подпускать к Юле. Пусть она лучше сидит дома и забудет про лед раз и навсегда.

Саянский подумал, что сегодня вечером обязательно еще раз поговорит с женой. Только без

истерик. Спокойно и убедительно постарается объяснить ей, что ей это не нужно, что...

Саянский не успел додумать свою мысль до конца, резкий телефонный звонок прервал его размышления. Он поднял трубку и услышал взволнованный голос своего племянника Коршунова.

— Юрий Александрович, я сейчас в отделении милиции. Тут Яну взяли с ее дружкой. У этого мудака героин нашли, а она с ним была.

— Что!!! — заорал в трубку Саянский.

— Да вы не волнуйтесь, Юрий Александрович, я уже все уладил. Ее отпустили, и мы возвращаемся домой. Через час будем дома.

Саянский швырнул трубку, да так что чуть не разбил аппарат.

Да, день явно не удался. Как начался с утра, так и продолжается в том же духе. Они, что все сговорились сегодня что ли? Наскоро накинув пальто, Саянский вылетел из кабинета. Сказал на ходу секретарше, что у него срочные дела, а сам направился домой.

Ну и задаст же он сегодня своей доченьке. Сколько можно терпеть все ее выходки. Эта ее богемная суета. Бесконечные показы, выставки, тусовки. Саянский совершенно не разделял образа жизни дочери. Ведь он мечтал видеть ее своей приемницей. По своей натуре она пошла в него

самого. Сильная, властная, с мужским характером, не то, что его размазня-сын. Яна вполне могла стать принцессой его огромной бизнес-империи. Но он допустил ошибку и пошел на поводу у Юлии, позволив Яне учиться в Строгановское училище. А он так выступал против. Теперь вот пожинает плоды этой непростительной ошибки. Окончив училище на отлично, Яна серьезно заболела живописью и ни о каком другом занятии в жизни не помышляет, а о бизнесе вообще не хочет даже слушать. Он сделал вид, что смирился и на время оставил ее в покое. Он рассчитывал на то, что Яна наиграется ролью художницы, хлебнет богемной нищеты и вернется назад под крылышко отца. Но дочь что-то не очень торопилась под его теплое покрывало. А последнее время вообще стала неуправляема, особенно когда связалась с этим ничтожеством, этим музыкантом-неудачником, променяв его....

Когда Саянский вошел в дом, Яна была уже дома и, как ни в чем не бывало сидела в гостиной и что-то потягивала из бокала. Похоже, что она была изрядно под хмельком. В последнее время такое с ней случалось все чаще. Саянский почувствовал, как мутная волна гнева поднимается у него из живота вверх, и бьет прямой наводкой в голову. Он подскочил к дочери и выбил у нее из рук бокал. Он ударившись о пол, разлетелся в дребезги. Саянский

почувствовал запах коньяка. Это его еще больше разозлило. Он ударил дочь по щеке.

— Как ты смеешь бить меня! — взвизгнула дочь, соскочив с кресла и с вызовом, уставилась на отца.

— Смею! Я еще не то смею! — Саянский толкнул ее обратно в кресло.

Яна пошатнулась и упала в кресло, как подкошенная. Она попыталась было встать, но крик отца остановил ее. Она вжалась в кресло и притихла. Саянский же бушевал.

— Все! Я больше терпеть не намерен твои выходки. Я тебе много раз говорил, чтобы ты гнала этого ублюдка, куда подальше. Но тебе плевать на отца. Достукалась, шалава! Если бы не мои денежки, под суд бы отправилась. Чтобы я эту мразь рядом с тобой больше не видел. Поняла!

— Ты не имеешь права вмешиваться в мою жизнь, — глаза Яны полыхнули злостью.

— Что!!!. — Рука Саянского снова взметнулась для удара. Яна съежилась, в глазах ее мелькнул страх. И это отрезвило его. Он опустил руку и постарался хотя бы немного успокоиться.

— Вот, что я тебе скажу, дорогая. Я имею право не только вмешиваться, но и полностью поменять твою жизнь. Потому, что я твой отец! И ты живешь на мои деньги. И я сделаю это. Я сам устрою твою жизнь, так, как посчитаю нужным. Я

сам выберу тебе мужа и приведу его тебе. И только попробуй послушаться! Тогда ты мне не дочь. Надеюсь, ты понимаешь, что это означает. Так, поняла?!

Яна кивнула головой.

Выпустив пар, Саянский почувствовал страшную усталость. Сейчас ему хотелось только одного: напиться и никого не видеть и не слышать. Он стремительно поднялся в свою комнату. Там, в баре, у него стояла бутылка коньяка, точно такого же, какой он выбил из рук дочери.

5

Среди постоянных обязанностей, которые выполнял Коршунов, была реализация спонсорских программ компании. Эти функции Саянский передал, а правильной будет сказать, сбросил на него год назад. Коршунов был этим сильно недоволен, так как хорошо понимал, что это не что иное, как еще одно не самое престижное занятие, который ясновельможный пан поручил своему верному холопа. А такое в последнее время случалось частенько; то, чем не хотелось в силу ряда причин заниматься президенту, он, со спокойной совестью перекладывал на своего заместителя. При этом у него даже не возникала мысль спросить, а хочет ли он, а согласен ли он

взвалить на свои плечи новый груз. Да и попробовал он бы возразить. Коршунов до сих пор не то, что не может забыть, успокоиться не в состоянии, когда вспоминает, как однажды попытался было отказаться от подобного очередного задания, выполнение которого никак не соответствовало его прямым обязанностям. Гневный крик Санского до сих пор стоит в его ушах. Он, Коршунов, вылетел из кабинета начальника, как болид из поворота в гонках формулы один. Стоит ли говорить, что больше попыток возразить ему, он не предпринимал.

Коршунов сверился с графиком на компьютере. Его цепкая память не подвела и на этот раз, в самом деле, пришла пора отправляться в Финансовую академию и согласовывать план работ на ближайшие полгода. Над этим учебным заведением компания стал шефствовать сразу же, как только там стал учиться сынок Саянского. Саянский-старший тут же предложил ректору помощь в проведение различных строительных и ремонтных работ. На эти цели денег не жалели, но помогало ли это учебе Андрея, Коршунов сильно сомневался. Этому балбесу ничего не поможет. А ведь, если ничего не случится неожиданного, именно он в один счастливый, но только не для него Коршунова день, займет место хозяина компании. Хотя трудно представить, как он будет

ей руководить. Кроме лошадей Андрея в жизни, судя по всему, ничего больше не волнует. Не будь он из столь богатой семьи, пошел бы в конюхи. И туда ему и дорога.

Коршунов не без труда подавил возникшее раздражение, не стоит растрачивать без толку свои драгоценные эмоции, они ему пригодятся для более важных задач. А сейчас надо заняться своим прямым делом.

Он позвонил проректору по хозяйственной части Финансовой академии, быстро договорился о встрече. И уже сидя в машине, вдруг поймал себя на том, что голос проректора звучал как-то не совсем привычно. Обычно он всегда радовался звонку Коршунова, подолгу расточал любезности. И хотя слушать их было весьма утомительно, Коршунов терпеливо ждал, когда проректор завершит эту обязательную программу. А как он еще должен был вести себя, учитывая, сколько расходует компания на помощь вузу. Он на его месте был бы еще велеречивей. А вот на этот раз проректор беседовал с ним как-то уж очень кратко, просто сказал, что ждет его и повесил трубку. Непонятно, чем вызвано такое странное поведение?

— Добрый день, Валерий Борисович! — приветствовал Коршунова проректор по хозяйственной части.

— Рад вас видеть, Виктор Данилович! — на

всякий случай как можно приветливей произнес Коршунов. — Надеюсь, у вас все в порядке?

Проректор как-то странно взглянул на посетителя.

— Спасибо, в Академии все в целом замечательно... — как-то немного двусмысленно ответил он.

— А не в целом?

— Наверное, мне следовало бы сказать вам по телефону. Но, если признаться, ваш звонок меня сильно удивил.

— Мой звонок вас удивил? — удивился Коршунов.

— Но разве вы не в курсе? Я был уверен, что вы все знаете.

— Что я должен знать.

— То, что Андрей Саянский больше у нас не учится.

— Не учится?

— Именно так. Он завалил сессию, причем, по всем предметам. Мы при всем уважении к Юрию Александровичу и к вам, — после едва уловимой паузы добавил проректор, — не могли его не отчислить. Нас бы никто не понял. Вы понимаете...

— Понять не сложно, — пробормотал Коршунов. Им овладело предчувствие, что судьба шлет ему еще один шанс.

— Поэтому меня удивил ваш звонок. Я

полагал, что после отчисления, вы перестанете быть среди наших спонсоров.

Коршунов внимательно посмотрел на проректора.

— Разумеется, мы огорчены тем, что Андрей больше не является вашим студентом. Но наша компания верна своим обязательствам, и мы готовы продолжить сотрудничество.

— Это так? — не скрыл радости проректор. — Вы даже не представляете, как это кстати. Меня сильно огорчала мысль, что наше сотрудничество может быть прервано. Но раз вы говорите, что уход вашего родственника никак на этом не отразится, то я приготовил список неотложных работ.

Коршунов въехал в ворота, выскочил из машины и побежал к дому. Ему не хотелось, чтобы его кто-то бы сейчас увидел. Но разве бывает все так, как хочешь, у самых дверей в комнату Андрея он столкнулся с Полиной. Она бросила на него внимательный взгляд. И он невольно выругался про себя. Эта проныра вечно оказывается там, где не надо.

Коршунов постучался и вошел в комнату Андрея. Ну, конечно, чем еще ему заниматься, он рассматривал в компьютере фотографии лошадей.

— Можешь оторваться от своего важного занятия? — мягко поинтересовался Коршунов.

Андрей неохотно повернулся к нему.

— Да это я так, — смущенно пробормотал он, — а вообще-то я свободен.

— Люблю свободных людей, от них идет какой-то особый аромат, которого начисто лишены мы, люди без конца занятые, — проговорил Коршунов.

Андрей, почуяв какой-то подвох, подозрительно посмотрел на Коршунова.

— У меня тоже дел много, учеба...

— Да, да, я понимаю, — нетерпеливо перебил его Коршунов. — По себе помню, учеба будь она трижды не ладна, отбирает много времени. Хотя с другой стороны... Знаешь, Андрюша, я только что из Финансовой академии. Как ты помнишь, мы же ее спонсоры. И мне там сообщили удивительную новость... — Коршунов сделал театральную паузу. И сразу же увидел, как смертельно побледнел юноша.

— Тебе сообщили? — с тревогой переспросил Андрей.

— А ты как думаешь?

Андрей опустил голову.

Коршунов встал, подошел к юноше и обнял его за плечи.

— Тебя отчислили почти месяц назад. И до сих пор никто в доме об этом не знает. Так?

Андрей кивнул головой.

— Ты знаешь, как отец относится к моей

учебе. Если ему станет известно...

— Дальше можешь не продолжать, скандал будет вселенского размера. Я тебе не завидую. Если останешься живым, считай тебе повезло. В гневе твой отец страшен.

— Не то слово! — воскликнул Андрей. — Я не знаю, что мне делать. Я так боюсь ему признаться, — признался он.

— Да, ситуация не простая. Но мы же с тобой всегда были друзьями.

— Да, — с надеждой посмотрел на него Андрей, — друзьями. На самом деле, особой дружбы между ними никогда не было.

— Я, конечно, ничего не скажу твоему отцу. Но рано или поздно он все равно узнает. И тогда...

— Может, мне убежать из дома, — вдруг предложил Андрей.

— И куда побежишь? — насмешливо спросил Коршунов.

— Не знаю.

— Это глупо. У тебя нет ни денег, ни профессии. Ведь так?

— Так.

— Есть другой вариант.

— Какой? — встрепенулся юноша.

— Послушай меня только спокойно и внимательно. Скоро совет директоров, перевыборы Председателя правления и президента компании.

— И что из этого, — сразу же поник Андрей. — Всем известно, что отца переизберут.

— Все зависит от нас. Если мы все проголосуем против него, он не станет президентом. И тогда ему будет не до твоей учебы.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— А другие? У меня же совсем немного акций.

— Это, Андрюшенька, уж не твоя забота. Ты сделаешь, как я только что сказал?

— Если ты уверен в результате?

Коршунов снова обнял его за плечи.

— Уверен. И у тебя будет все хорошо. Будешь заниматься своими лошадьми.

6

Произошедшее с Яной окончательно доконало Саянского. С женой он в тот вечер так и не поговорил, как собирался: а именно по-хорошему. С дочерью тоже устроил скандал. Что-то последнее время у него все чаще и чаще стали сдавать нервы, отметил он. Это сильно беспокоило Саянского. Он не привык чувствовать себя неуправляемым невротиком. Наоборот, всегда гордился тем, что никто не может его упрекнуть в скандальности и неуравновешенности. Спокойствие и уверенность в

себе были всегда его фирменными качествами. И вдруг в один прекрасный день все покатилося под откос. словно пробка выскочила из бутылки шампанского. И ладно бы он не сдержался с женой, когда она собралась забросить дом и вернуться в спорт, да и с Яной причина для размолвки очень даже уважительная. Но самое скверное было в другом. Последнее время он стал замечать, что часто срывается на мелочах, на самых обыкновенных пустяках. Недавно отчитал за какую-то ерундовое упущение свою секретаршу. Потом их домработницу Полину за то, что она подала ему не достаточно горячий чай. Раньше он до таких мелочей не опускался и с прислугой никогда не объяснялся. Да ему по большому счету было всегда наплевать, какой в его чашке чай.

Анализируя причины происходящих с ним перемен, Саянский склонялся к тому, что его нервы расшалились исключительно по одной же причине. Он перестал чувствовать себя мужчиной и ужасно страдал от этого. Да что там страдал, он был в панике от того, что это не просто временное функциональное расстройство, а самая настоящая импотенция. К врачу он идти не хотел, боялся получить окончательный приговор. Надеялся, что это временно, что это просто усталость, нервы, что это пройдет. Но отчего-то это никак не проходило и вот уже месяца три он живет, как на пороховой

бочке. Дело дошло до того, что он стал плохо засыпать, а иногда вообще не мог заснуть всю ночь напролет.

Чтобы окончательно не свихнуться, он решил проверить имеют ли его страхи достаточное основание для того, чтобы так мучить его. Ему приходилось слышать, как другие мужчины поступали в аналогичных случаях. Он решил рискнуть, и когда окончательно созрел до такого шага, то вознамерился действовать решительно и быстро, чтобы, как можно скорее покончить с этим неприятным делом. Он долго раздумывал, как лучше ему все это устроить и решил для этой деликатной миссии обратиться к племяннику. Саянский выбрал момент, когда в доме никого не было и пригласил Валерия к себе в кабинет. На работе ему говорить на эту тему не хотелось.

Коршунов удивился, когда дядя позвал его в свой кабинет, в это святая святых, куда он редко кого допускал. Обычно они беседовали с Саянским в офисе, если это касалось дел фирмы, а если проблема носила частный характер, то дядя говорил с ним в холе или столовой, но только не в своей главной резиденции. Коршунов гадал, с чем это могло быть связано. Перебрал множество вариантов, но ни один из них так и не удовлетворил его.

Саянский усадил Коршунова в большое

кожаное кресло, плеснул в бокал дорогой коньяк и протянул его племяннику. Себе он тоже налил коньяк, молча осушил содержимое бокала и тут же налил снова. При этом он не присаживался, а продолжал ходить вдоль кабинета. Коршунов заметил, что Саянский сильно волнуется. Происходящее его заинтриговало. Он никогда не видел своего дядю таким. Но тот упрямо продолжал хранить молчание, словно бы готовился к важному разговору. Наконец, Саянский, осушив очередной бокал, снова наполнил его прежним содержимым и как-то тяжело сел в кресло напротив Коршунова.

— У меня к тебе деликатная просьба. Не знаю, даже, как сказать. — Саянский отхлебнул из бокала маленький глоточек. — Черт, как это оказывается трудно, — растерянно произнес он. — Первый раз я в такой дурацкой ситуации.

— Я вижу вас что-то гложет, — осторожно начал Коршунов. Он нутром почувствовал, что сейчас услышит что-то очень важное. То, что он сможет использовать потом в своих интересах.

— Д, ты прав. Я оказался в сильном затруднении и хочу попросить твоей помощи.

«Вот это да! — мысленно присвистнул Коршунов. — Этому небожителю вдруг понадобилась моя помощь. И у кого! У меня, которого он за человека никогда не считал. Ну-ну, давай излагай побыстрей. Я весь в нетерпении, как

девушка перед свадебной ночи»»).

— Дело в том..., - Саянский запнулся, но окончательно решившись выпалил, — В общем, мне нужна женщина.

Сказал и сразу у него, как гора с плеч свалилась. Но Коршунов, кажется, не понял его.

— Вы хотите взять себе новую секретаршу?

— Да, нет! — Саянский удивился, что до Коршунова доходит, как до жирафа. — Баба мне нужна, понимаешь? Такая, чтоб мертвого могла поднять и помоложе желательнее.

— А! — Коршунов даже поперхнулся от неожиданности. — Понимаю.

— Да что ты понимаешь, — раздраженно бросил Саянский. — Мне она нужна только для того, чтобы я мог кое в чем убедиться. И все. Я ее использую, как презерватив, один единственный раз. Сможешь мне это устроить?

— Да никаких проблем. Когда она вам нужна?

— Я подумаю и скажу тебе, а ты присмотри пока. Лады?

— Для вас я готов на что угодно.

— Ладно. Я тебя отблагодарю за это. Только ты сделай так, чтобы ни одна душа... Понял? А уж Юлия тем более.

Коршунов не шел домой, а летел. Его душа пела и ликовала от восторга. Неужели там, на небесах слышали, наконец, его молитвы и удача

сама прет ему в руки. Вот он его звездный шанс. Ну, держись теперь, дядюшка. Ты сам мне себе сдал. Теперь тебе точно каюк.

7

Пономарев, как обычно, расположился на заднем сиденье машины, закрыв глаза. Обычно в такие минуты он старался вздремнуть, все равно, пока автомобиль преодолет все пробки и заторы, пройдет немало времени. И кроме как на сон иного употребления его и не сыщешь. Но сейчас ему было не до сна, он весь кипел от негодования. Конечно, Иван, еще тот прохвост, сколько раз он внушал сыну, чтобы он вел себя честно, но того все равно тянет куда-то не туда. И все же от Юрия такого не ожидал. Столько лет, можно сказать, безупречной дружбы и взаимовыручки. Кем бы он был бы без него, выбился ли в люди? Это еще большой вопрос, как бы развивался бизнес Саянского, если бы он, Пономарев не помог ему в самом начале пути. И затем на протяжении стольких лет они всегда находили общий язык, сколько раз выручали друг друга из не простых ситуаций. Можно сказать, что он до некоторой степени стал членом семьи Юрия, и ему казалось, что с этой стороны неожиданностей не должно происходить. Должно же хоть что-то в этом переменчивом мире быть постоянным и

стабильным. Именно по этой причине он и попросил устроить сына в компанию Саянского после того, как тот сменил несколько мест работы. Был уверен, что уж там ему ничего не грозит. А вышло все совсем иначе.

Юлия права, Саянский, в самом деле, изменился, стал каким-то иным, чересчур самоуверенным. Вообразил себя маленьким богом, которому все дозволено, который все может. В какой-то степени у него есть на то основания, в последнее время ему везло, регулярно получал хорошие подряды, существенно увеличил оборот компании. Но ведь и он, Пономарев, приложил к этому руку. Но, кажется, Юрий перестал в прежней степени ценить то, что он делает для него. Иногда даже кажется, что он полагает, что может обойтись и без его помощи. Ну что ж, посмотрим, если он прав, как у него это получится.

Водитель остановил машину возле одного приятного, хотя и не очень приметного ресторанчика. Пономарев специально выбрал для встречи это место, именно в этом заведении много лет назад они обделывали свои первые дела. Может быть, воспоминания о тех славных годах как-то подействуют на Саянского. Хотя уверенности в этом у него не было.

Саянский явился без опоздания. Сдержанно, без обычной сердечности, поздоровался, сел за

столик и с интересом огляделся.

— Помнишь? — спросил Пономарев.

— Слава богу, у меня склероза еще нет. Да, были времена. — Однако никаких ностальгических ноток Пономарев в его голосе не услышал.

— Всегда приятно вспомнить прошлое.

Саянский кивнул головой.

— Вспомнить приятно. Но говорить я предпочитаю о настоящем, для воспоминаний нет времени. Вот отойду от дел, тогда и стану предаваться воспоминаниям. Так о чем ты хотел со мной переговорить?

— Может, сначала выпьем, закусим. Как в былые года, мы были большими гурманами, — предложил Пономарев.

Саянский отрицательно покачал головой.

— Я уже отобедал. А второй раз я не ем, здоровью это не полезно.

— Раньше ты так его не берег.

— То было раньше. Если хочешь что-то заказать, то закажи мне минеральной воды. А сам не стесняйся.

Отправляясь в ресторан, Пономарев действительно рассчитал там пообедать. Но сейчас почувствовал, что у него пропал аппетит.

— Я выпью кофе.

— Не советую, — произнес Саянский, — в нашем возрасте это не самый полезный напиток.

— Все равно выпью. — Пономаревым овладело одновременно упрямство и раздражение.

— Так о чем будет наш разговор? — напомнил Саянский.

— О сыне, — буркнул Пономарев.

— Я так и предполагал, — почти не скрывая недовольства, произнес Саянский. — Ладно, давай говори. Все равно уже я пришел сюда.

Он считает, что разговор об Иване — это потерянное для него время, еще сильней раздражаясь, подумал Пономарев.

— Я понимаю, что Иван — не самый примерный молодой человек на земле, — начал Пономарев, — и он совершает ошибки...

— Это не ошибки, — перебил его Саянский. — На его ошибки я закрывал глаза.

— Да ты прав, это не ошибка, это хуже, — поспешно подхватил Пономарев. — И все-таки, не стоит так его сурово судить. Я разговаривал с ним, задал ему трепку. Он сильно раскаивается и обещает, что ничего подобного с его стороны никогда не повторится.

Несколько минут Саянский молчал, и Пономарев вдруг поймал себя на том, что все его тело сильно напряглось.

— Дело не в том, раскаялся ли Иван или нет, повторит он подобное или не повторит, — вдруг жестко произнес Саянский. — Я не гадалка и знать

такое не могу. Зато я знаю две вещи: твой сын совершил очень серьезный проступок, он попытался меня обмануть, украсть у меня достаточно крупные деньги. И второе: такому сотруднику я никогда не смогу полностью доверять. А ты знаешь мой принцип: у меня в компании должны работать только те, кому я доверяю почти так же, как самому себе. Я не стану никому рассказывать о том, что случилось. Но пока я президент компании Иван в ней работать не будет. Если ты позвал меня только за этим, то можем считать, что разговор окончен. У тебя есть ко мне другие вопросы?

— Нет, — ответил Пономарев.

— Тогда, извини, Петя, но я пойду. У меня куча дел.

Саянский встал и своей быстрой и решительной походкой направился к выходу. Пономарев проводил его хмурым взглядом. В этот момент официант принес заказ. Пономарев бросил на стол деньги и, не притронувшись в чашке кофе, двинулся вслед за исчезнувшим Саянским. Он и не подозревал, что способен испытывать столь бурные негативные эмоции в отношении самого старого своего друга.

Дверь кабинета Саянского резко распахнулась, и из нее выскочила Юлия. Ее лицо было все в слезах. Она явно не видела ничего вокруг и едва не натолкнулась на Коршунова, он в самую последнюю секунду успел отскочить в сторону.

Юлия не только не притормозила хотя бы чуть-чуть свой бег, но даже не бросила в его сторону взгляда. У него возникло ощущение, что она даже не заметила его присутствие. Такого с ней не случалось давно, они неизменно перебрасывались при встрече хотя бы несколькими словечками. Она всегда живо интересовалась его жизнью, всем, что с ним происходит. И не удивительно, ведь по сути дела она заменила ему мать. Что же такое ужасного могло случиться, если она забыла обо всем?

Из кабинета вышел Саянский. Вид у него был непривычно расстроенный. Сомнений в том, что они с женой поссорились, у Коршунова больше не было. На его памяти это была чуть ли не первая такая сора. По крайней мере, раньше Юлия не выбегала в слезах из кабинета супруга. Значит, муженек достал и ее.

Саянский задержал взгляд на Коршунове, хотел что-то сказать, но вместо этого лишь махнул рукой. И скрылся за дверью.

Коршунов неожиданно замер на месте. А ведь

женщина в такой ситуации нуждается в утешении, она особенно податлива на уговоры. Нужно срочно идти к ней.

Коршунов постучал в дверь. Не дождавшись ответа, осторожно ее приоткрыл и заглянул в комнату. Юлия сидела в кресле, лицо было по-прежнему в слезах, а взгляд неподвижный, как у статуи, устремлен в стену. Он немного нерешительно вошел.

Юлия перевела взгляд на него, поспешно достала из кармана платок и стала смахивать с глаз слезы.

— Я тебе не помешаю? — спросил Коршунов.

— Хорошо, что ты пришел. Мне сейчас трудно быть одной.

— Ты знаешь, я всегда готов помочь тебе в трудную минуту.

— Да, да, — думая о своем, согласилась женщина. — Ты молодец, ты всегда очень надежен. Я ценю в тебе это.

Коршунов ощутил прилив смелости и надежды. Он уже уверенно вошел в комнату и сел напротив Юлии.

— Что-то случилось? Ты поссорилась с Юрием Александровичем?

Юлия как-то неопределенно покачала головой.

— Это не ссора. Точнее, не совсем ссора. Все

гораздо глубже. Мы словно бы говорим, как люди, из разных миров. Он не желает меня ни слушать, ни слышать, для него важно только то, что думает и говорит он сам. Много лет я мирилась с этим, ради него, ради себя, ради детей. Но сейчас я все чаще задумываюсь о том, а верно ли я поступала? Чего я этим достигла?

— Я всегда восхищался твоим долготерпением, — проникновенно произнес Коршунов.

Юлия быстро подняла голову и посмотрела на него.

— Ты это видел?

— Как я мог такое не замечать. И ведь не только ты страдаешь от его самодурства. Мы все жертвы его.

— Ты правильно сказал, иначе как самодурством — это не назовешь.

— А что случилось на этот раз? — поинтересовался Коршунов.

— Я тебе сейчас расскажу. Ты помнишь Сашу Гордеева?

Коршунов сделал вид, что напрягает память. Но на самом деле она сразу же подсказала ему, о ком идет речь.

— Если не ошибаюсь, он был твоим партнером на льду.

— Не предполагала, что ты это помнишь. Он

недавно вернулся после долгого отсутствия в Россию. И позвонил мне. Мы с ним встречались. Он возвратился на Родину потому что ему сделали предложения стать одним из тренеров нового ледового шоу. И он предложил мне тоже поучаствовать в проекте.

— И что ты ответила?

— Понимаешь, я давно мечтаю снова встать на коньки, заняться фигурным катанием. Мне даже снится, как я катаю программу. В общем, я согласилась.

— И ты разговаривала с мужем именно об этом?

— Да, об этом. Он категорически против, причем, услышав про Гордеева просто расвирепел. Он никогда не любил его, подозревал, что я тайно о нем вздыхала. Хотя это не так. Но я думала, что прошло почти двадцать пять лет и былые чувства погасли. А оказалось, что ничуть не бывало, он все также его ненавидит. И также против того, чтобы я работала в ледовом шоу. Он полагает, что тем самым мы уроним честь марки нашей семьи. Обычно я всегда покорялась ему, но на этот раз решила отстоять свою позицию. Такой ссоры у нас еще не было. Он категорически запретил мне иметь дело с Гордеевым. Впервые я совершенно не знаю, что делать, как поступить?

Коршунов вскочил на ноги и взволнованно

прошелся по комнате.

— Могу я говорить совершенно откровенно?

Юлия удивленно посмотрела на него.

— А разве мы так не говорили всегда?

— Такого разговора у нас еще не было.

— Говори, чего уж тут, — махнула она рукой.

Коршунов снова сел в кресло и придвинулся ближе к Юлии.

— Не ты одна страдаешь от деспотизма Юрия Александровича. В последнее время он резко усилился. С ним становится невозможным иметь дело.

— И ты тоже страдаешь? — удивилась Юлия.

— Давно и сильно. Я не стану сейчас рассказывать о своих переживаниях, как-нибудь в другой раз. Но если так будет продолжаться, помимо всего прочего мы потеряем компанию, от нас уже стали отворачиваться партнеры.

— Я ничего об этом не слышала, — растерянно произнесла Юлия.

— Разумеется, он не афиширует этот факт. Но я же работаю рядом с ним. А потому поверь, это так.

— Я верю. Но к чему ты клонишь?

— Пока не поздно, мы должны подумать, как помочь самим себе.

— Извини, но я тебя по-прежнему не понимаю.

— Я буду искренен с тобой. Юрия Александровича следует устранить от управления компании.

— Устранить? — изумилась Юлия. — Но каким образом?

— Скоро будет очередное собрание акционеров компании. Мы все акционеры: я, ты, дети. Если ты проголосуешь против него, есть шанс отстранить его с этой должности. И тогда ты обрешь долгожданную свободу.

Какое-то время она молчала.

— Нет, я никогда не смогу пойти на такой шаг. Отстранить Юрия. — Она отрицательно качала головой. — Для этого должны быть чрезвычайные обстоятельства.

Коршунов почувствовал себя так, словно бы его огрели чем-то увесистым по голове. Только что он ощущал прилив энергии, теперь же внутри него царил опустошение. Что-то надо делать, любыми путями выправлять ситуацию, набатом зазвучало в голове.

Внезапно он выпрямился. «Если тебе требуются чрезвычайные обстоятельства, то сейчас их получишь», — мысленно произнес он.

— Не хотел тебе говорить, но вижу, что у меня нет выбора.

— О чем ты? — с тревогой спросила Юлия.

Коршунов сделал вид, что испытывает

крайнее смущение и нерешительность.

— Пожалуй, я не стану об этом говорить.

— Нет уж, пожалуйста, раз начал, — потребовала Юлия.

— Хорошо, если ты настаиваешь. Юрий Александрович тебе не верен.

Лицо женщины покрылась красными пятнами.

— Хочешь сказать, что он мне изменяет?

— Да.

— Нет, этого не может быть. Я в это никогда не поверю.

— Я тоже не верил. Но так получилось, что я видел все своими глазами.

Юлия не смотрела на Коршунова, она кусала губы.

— Я поверю только своим глазам.

— А если ты увидишь все сама, то проголосуешь против него?

— Да, — после долгой паузы произнесла Юлия.

9

Мысль Яны металась в поисках выхода, но решение, на которое она наталкивалась, было только одно. Единственный источник, где она можно раздобыть деньги на адвоката, чтобы вытащить своего друга из тюрьмы, мог быть только

отец. Но именно у отца она хотела просить их менее всего.

Когда-то что-то попросить у него для нее было самым естественным делом. И нисколько не сомневалась, что не получит отказа. Отец удовлетворял все желания своей любимицы. Именно дочь пользовалась у него особым расположением. И Яне это эгоистично нравилось, она любила демонстрировать перед знакомыми, гостями свои особые отношения с ним. Тогда ей казалось, что так будет продолжаться вечно, никакие силы не способны разрушить эту связь.

Но теперь об этом можно лишь вспоминать с сожалением или с любым другим горьким чувством. От былой близости остались одни обрывки. В последнее время они даже общались мало, по возможности избегали встреч и разговоров. Какой в этом смысл, если едва ли не любой из них превращался в ссору.

Но сейчас ей придется с отцом поговорить, слишком уж важна причина для разговора. За находку наркотиков не шутят, впаяют большой срок. И что после отсидки останется от человека? Пустое место. Она видела таких, оттуда в подавляющем большинстве случаев выходят моральные уроды.

Но ей даже не пришлось идти к отцу, дверь вдруг резко распахнулась, и он сам предстал

собственной персоной. Яна не могла скрыть своего удивления, в последний раз отец заходил в покои дочери не раньше, чем полгода назад. А ведь было время, когда он приходил к ней каждый вечер пожелать спокойной ночи.

— Папа, я как раз хотела зайти к тебе.

Саянский, словно после долгой разлуки, внимательно посмотрел на дочь.

— Видишь, я сделал это сам, тебе не надо даже идти. Ты что-то хотела мне сказать?

— Да. Точнее попросить.

— У меня давно уже кроме денег никто ничего больше не просит.

Яна не без труда выдавила на лицо улыбку.

— Боюсь, я буду не оригинальной.

— Зачем тебе деньги? У тебя и так все есть.

— Папа, мне очень нужны деньги. И весьма много, — умоляюще посмотрела она на него.

— Могу я узнать зачем?

Яна вздохнула, она почти не сомневалась, что ее просьба вызовет у него негативную реакцию.

— Мне нужно нанять адвоката. Самого лучшего. Иначе его не вытащить оттуда. А ты сам знаешь, сколько эти кровососы берут за свои услуги.

Саянский молчал, и это молчание сильно раздражало Яну. Уж лучше бы он дал ясный ответ.

— Да, ты права, дорогая, — вдруг нарочито

невозмутимо заговорил Саянский, — мне прекрасно известно, сколько берет за свои услуги эта братия. По уровню корыстолюбия с ними могут сравниться разве только ростовщики. Мне вполне по карману оплатить услуги любого из них. И я это сделаю в том случае, когда речь идет обо мне или ком-то из близких мне людей. Но вытаскивать таким образом какого-то бездельника из тюрьмы, не стану. Так что не надейся.

— Он не бездельник! Он работает не меньше тебя, — возмущенно воскликнула Яна.

— Вопрос не в том, сколько он работает, а чем конкретно занимается. А с моей точки зрения его занятия хуже, чем откровенное бездельничество.

— Твое мнение — это мнение невежды! — не выдержала Яна. И тут же пожалела о своей несдержанности, лицо отца потемнело прямо на ее глазах.

— Что ж, пусть так, я человек невежественный. Но все, что тут есть, создано моим невежеством. А потому я не обменяю свое невежество на все ваши знания, которые приводят в тюрьму. Вот что, любимая моя дочь, я долго терпел твои выходки. Думал, перебесишься и угомонишься, займешься делом. Но вижу, моим надеждам не суждено сбыться. А ведь я хотел передать со временем в твои руки руководство всей компанией. Я знаю, ты бы справилась.

— У нас однажды был этот разговор. Если помнишь, я сказала, что у меня другие планы.

— Помню и очень хорошо. Как и то, что тогда не знал, что ответить.

— Теперь знаешь?

— Да, так как теперь все переменялось. Я понял, что если останусь безучастным к твоей судьбе, то в следующий раз адвоката придется искать уже не для твоего дружка, а для тебя.

— Вот как, любопытно. — Яна вдруг ощутила, как воспаляются в ней бойцовские качества. — И что же ты собираешься делать?

— Я — ничего. А вот в твоей судьбе предстоят большие перемены. Поздравляю тебя, ты выходишь замуж.

— Замуж? — От изумления Яна даже села на стул. — А я могу узнать, за кого?

— В принципе в данных обстоятельствах это не столь уж обязательно. Но ты все же моя дочь, поэтому скажу. Ты прекрасно знаешь этого достойного молодого человека, это сын друга нашей семьи. Ты с ним еще не так давно проводила много времени. Вас даже иногда так и называли: жених и невеста. У него сейчас успешный бизнес. А главное он по-прежнему влюблен в тебя, как и два года назад, когда он делал тебе предложение.

— Ах, вот значит, кто, ты говоришь о Павле. Но я ему тогда отказала.

— А теперь согласилась.

— Но мы даже давно не виделись. И он не просил у меня руки.

— Зато я попросил у него сделать тебе предложение. И дал согласие от твоего имени. Мы договорились, что завтра вы отправляетесь в ЗАГС сдавать документы. Так что будь готова.

— Папа, ты сошел с ума. Такое не практикуется уже лет двести.

Саянский вдруг резко вскочил со стула, его лицо исказилось от гнева.

— Мне глубоко плевать, что практикуется, а что нет. Хватит, я насмотрелся на твои безобразия. Отныне ты будешь делать то, что я требую. А я требую немедленно выйти замуж. И забыть всю твою богемную коблу. И никаких возражений больше не потерплю. — Саянский подошел к телефону и подал трубку Яне. — Звони Павлу, он давно и с большим нетерпением ждет твоего звонка. Увидимся на свадьбе.

Ни смотря на дочь, он вышел из комнаты.

10

Отец окончательно потерял рассудок, если полагает, что она согласится выйти замуж за человека, которого он своим решением назначил ее мужем. И дело совсем не в Павле, он действительно

хороший человек, а в том, что она никогда не согласится с таким произволом. И теперь эта идея отпадает сама собой, даже если бы она вдруг вспылала к нему самой страстной любовью.

Впрочем, сейчас ее заботит даже не отцовский неслыханный произвол, а где достать деньги? Причем, срочно. Все ее друзья и знакомые люди не богатые, а некоторые откровенно бедные. К ним обращаться бесполезно. Тогда к кому?

В ее голове возник список имен и фамилий. Но рядом ни с одной нельзя поставить галочку. Пожалуй, только если попытаться обратиться к Коршунову. У него должны быть деньги, ему отец хорошо платит.

Яна решила попросить Валерия прийти к ней, ей не хотелось разговаривать с ним при его жене. Она никогда не испытывала к ней симпатии.

Коршунов откликнулся на ее просьбу сразу же. Но когда он вошел в ее комнату, у нее вдруг возникли сомнения. В детстве они много проводили времени вместе, но вот странно, большими друзьями не были никогда. Между ними всегда существовало некое незримое расстояние. Более того, оба, словно согласившись с его существованием, никогда не пытались его преодолеть. Но раз уж она его позвала, надо идти до конца. Да и другого варианта все равно нет.

Коршунов слушал ее, не проронив ни слова.

— Да, неприятная история, — произнес он свой вердикт. — И как ты в нее угодила?

— Так вот и угодила, — раздражаясь, ответила Яна. — Я тебя позвала не для того, чтобы ты читал мне нотации и учил бы жить.

Коршунов понимающе взглянул на нее.

— Хорошо, не буду. А вот на счет денег. Для меня такая сумма весьма значительна. Твой отец по отношению ко мне не так уж и щедр. Но я тебе ее дам. Откажусь от ряда покупок.

Яна вдруг почувствовала такой прилив благодарности к нему, что едва не бросилась целовать.

— Я так тебе благодарна.

— Не стоит благодарить, мы же родственники, должны друг друга выручать.

— Далеко не все родственники так поступают.

— Да что о таких говорить, — махнул рукой Коршунов. — Вопрос-то в другом.

— О чем ты? — удивилась Яна.

— Юрий Александрович от тебя не отстанет. Если он решил тебя женить на Павле, женит. А не женит, так жить все равно нормально не позволит. Ты лучше всех знаешь, какой он упрямый в достижении своих целей.

— Предположим, но куда ты клонишь?

— Не настало ли время решить вопрос радикально. Горестно об этом говорить, но он

никому в доме не дает житья.

— Говори прямо, не люблю этот крутеж.

— Хорошо. Скоро Совет директоров. Если мы все проголосуем против него, он лишится своего положения. И тогда проблема будет закрыта. Каждый получит полную свободу вести жизнь такую, какую он хочет. И тебе не надо будет просить у кого-то денег, у тебя их будет столько, что хватит на всю жизнь.

— Ты думаешь это возможно.

Коршунов нагнулся к ней.

— Вместе мы сила, — тихо, но очень внушительно произнес он.

Яна вспомнила состоявшийся разговор с отцом. А если это действительно выход, этот Коршунов пройдоха, она всегда подсознательно ощущала, что он способен проворачивать такие комбинации. Так будь, что будет.

— Ты можешь на меня рассчитывать.

Глава 2

1

Несколько дней подряд между Саянским и Коршуновым повторялась одна и та же сцена. Когда они встречались, Саянский бросал на

Коршунова выжидающий взгляд, Коршунов кивал головой, что должно было означать, что он все отлично помнит. После чего Саянский в ответ тоже кивал головой, и они расходились до следующего пересечения и следующих кивков головой.

Но вот однажды Коршунов зашел в кабинет своего шефа, плотно прикрыл дверь и сел совсем близко от Саянского.

— Юрий Александрович, все готово. Нужную вам женщину нашел.

Коршунов с изумлением обнаружил, что его грозный шеф может испытывать смущение и даже покраснеть, как девица. Несколько мгновений он молчал, видимо собираясь то ли с мыслями, то ли перебарывая чувство неловкости.

— И когда это можно все сделать? — спросил Саянский.

— Да хоть завтра, она готова.

На некоторое время Саянский замолчал.

— А эта женщина, надеюсь, не...

— Об этом даже не беспокойтесь, Юрий Александрович, очень приличная дама. Просто попала в сложное положение, год назад погиб муж, она осталась с двумя детьми. А зарплата маленькая. Вот она и согласилась.

Все, что рассказал о ней Коршунов, являлась абсолютной правдой. Он лишь умолчал, что эта дама была его сокурсницей по институту, с которой

у него был, хотя и не продолжительный, но бурный роман. И договориться ему с ней оказалось не слишком сложно. Причем, не только о том, чтобы дать сеанс страстной любви своему начальнику. Но и еще некоторых деталях. Но эти подробности он решил, что Саянскому знать не обязательно.

— Значит, ей надо будет после всего заплатить, — вдруг проговорил Саянский.

— Не беспокойтесь, этот вопрос я уже уладил.

— И где это все произойдет?

— У нее на квартире. Я специально смотрел, вполне уютное и чистое гнездышко.

— А дети?

— На это время они будут у бабушки.

Саянский снова погрузился в молчание.

— Ты не считаешь, что это не совсем... Ну ты понимаешь.

— Разумеется, понимаю. Но не стоит заворачиваться, это даже нельзя назвать изменой, у вас возникли небольшие проблемы. И вы желаете их решить. Можно сказать, что это медицинская процедура.

— Да, ты прав, — даже обрадовался Саянский. — Это действительно что-то вроде лечения. Значит, говоришь, можно уже завтра.

— Именно так.

— Хорошо, куда мне идти?

— Обижаете, Юрий Александрович, я вас

привезу на машине. В девятнадцать ноль-ноль, сразу после окончания рабочего дня будьте готовы.

В молодости еще до женитьбы он был отчаянным ходоком, женщин у него было так много, что большинство из этого контингента любовниц он не мог и вспомнить. Но женившись, раз и навсегда прекратил всякие похождения. И сейчас, стоя перед дверью, Саянский волновался сильнее, чем когда это случилось с ним в первый раз. У него даже возникла мысль повернуть назад, но, вспомнив о своей проблеме, надавил на кнопку звонка.

Вера понравилась ему сразу, милая молодая женщина с приятной улыбкой. Судя по всему, Коршунов неплохо ее проинструктировал, так как она с первой минуты повела себя очень тактично. Предложила попить чаю, а заодно немного и пообщаться.

Они расположились за журнальным столиком. Вера не стала ни о чем его расспрашивать, а начала рассказывать о себе. И эта доброжелательная беседа постепенно действовала на него успокаивающе. Что он так переживает, ничего страшного сейчас не произойдет. Не мальчик, все пройдет отлично.

Вера налила ему вина, они вместе выпили, затем она предложила фруктов. Как-то незаметно оказалось, что она сидит уже совсем рядом с ним.

— Мне кажется, в квартире душно, —

произнесла она. — Позвольте, я помогу вам снять пиджак.

Она встала перед ним, ее большая аппетитная грудь почти упиралась в его подбородок. Вера быстро и умело расстегнула пиджак, затем стала развязывать галстук.

Внезапно Саянский вздрогнул, ему показалось, что хлопнула входная дверь.

— Кто-то пришел? — встревожено поинтересовался он.

— Вам показалось, это на лестничной площадке, соседская дверь.

— Нет, звук был очень отчетливый. — Он встал, прошел в прихожую, дернул дверь. Она была закрыта.

— Вот видите, я же говорила, — сказала Вера. — Вам не о чем беспокоиться.

Саянский вдруг почувствовал, как что-то изменилось в нем, вся эта затея показалась ему абсолютно нелепой. Он крупный бизнесмен, уважаемый член общества, близко знакомый со многими известными людьми совершает какую-то очевидную глупость.

— Извините меня, Вера, но я пойду. Сожалею, что напрасно вас побеспокоил.

Саянский не знал, что буквально за пару минут до этого из квартиры выбежала его жена, наблюдавшая за этой сценой из соседней комнаты.

Влетев в свою машину, она упала грудью на руль и разрыдалась.

Дверца отворилась и кто-то сел рядом с ней. Юлия подняла голову и увидела Коршунова.

— Я все видела, видела, как она раздевает его, — сквозь плач с трудом протолкнула она слова. — Я ненавижу его. Слышишь, ненавижу.

— Теперь ты сама во всем убедилась, — вкрадчиво проговорил Коршунов. — Поэтому нет причин для колебаний.

— Ты про Совет Директоров. Я сделаю все, как ты просишь. Я ему это никогда не прощу.

— Могу обратиться к тебе с просьбой?

Юлия кивнула заплаканным лицом.

— Попроси проголосовать против твоего мужа еще и Пономарева. Я знаю, он тебе никогда не откажет.

Что-то мелькнуло в глазах женщины.

— Никогда не предполагала, что ты такой... — Она не договорила.

— Какой? — живо спросил Коршунов.

— Еще точно не знаю. Но это и не важно. Я переговорю с Петром. А теперь я поеду.

Коршунов быстро вышел из машины, и она почти в тот же миг сорвалась с места. И почти в это же мгновение он увидел, как из подъезда выбежал Саянский.

Что-то очень быстро все произошло у них,

мелькнуло в голове у Коршунова. Так не бывает. Он побежал к нему.

— Ну как, Юрий Александрович?

— Ничего не было, — хмуро ответил Саянский. — Поехали домой.

— Разумеется. — Как удачно вышло, что Юлия не увидела сейчас мужа, подумал Коршунов.

2

Юлия еще никогда не видела Пономарева так хорошо одетым. Обычно, он ходил не то, что в плохих костюмах, скорей в невзрачных. Сейчас же на нем была замечательно сшитая тройка, из-под которой выглядела элегантная рубашка, с ярким, но вовсе не кричащих тонов галстуком.

Юлия невольно улыбнулась, она знала, что так он нарядился ради нее. Вот только жаль, что хотя это и приятно, большого значения эта демонстрация одежды для нее не имеет.

— Заходи! Я так рад видеть тебя у себя дома. За четверть века нашего знакомства ты ни разу не переступала порога моего квартиры.

— Все когда-нибудь бывает впервые.

— Долго же я ждал этого момента. — В словах Пономарева послышалась затаенная горечь.

— Но ведь дождался же. — Юлии совсем не хотелось вести разговор на эту тему. Но она

понимала, что ее избежать не удастся, ее собеседник весь переполнен ею. И все же она надеялась, что долго беседовать об этом они не станут. Есть другие, более насущные вопросы.

Юлия с интересом осматривала жилище Пономарева. Ей стало немного грустно. Квартира была большая, хорошо обставленная, но какая-то неухоженная и неряшливая. Она словно бы призывала: мне срочно нужна заботливая женская рука. И почему после смерти жены он так и не женился. Ведь уже прошло свыше десяти лет.

— Прощу за стол, — тем временем пригласил хозяин квартиры.

Стол чем-то напоминал квартиру. Пономарев постарался, чего только не было на нем. но все было сервировано как-то беспорядочно, невпопад. Если бы она этим занялась, то все сделала бы по-другому. На мгновение ей стало грустно.

— Юлия! — с бокалом в руках между тем говорил Пономарев. — Для меня это знаменательный день. Когда ты сказала по телефону, что хочешь прийти в мою конуру, я не мог поверить своему счастью. Мне так много надо тебе сказать.

— Я знаю, но стоит ли, Петр?

— Нельзя все держать в душе всю жизнь. Однажды это должно прорваться.

— Петр, мне и так все известно. К чему слова.

— Ты так думаешь, — огорченно посмотрел он на гостью. — Но что же тогда с ними делать?

— Пусть они еще полежат какое-то время не востребованными. Поверь, так будет лучше и для вас и для меня.

— Хорошо, Если ты меня об этом просишь.

— Прошу, Петя.

— Но в чем тогда цель твоего визита?

— Я хочу поговорить о Юрии.

— Со мной?

— Ты же старый его друг.

— Да, мы дружили очень долго. Но сейчас я не уверен, что мы по-прежнему с ним друзья.

— Почему ты так думаешь?

— Можно ли дружить с человеком, который никого и ничего не слушает. Вернее, он слушает, но только себя. Он сильно изменился.

— В этом-то все и дело, — согласилась Юлия, — он, в самом деле, стал крайне нетерпимым. Любое несогласие с собой воспринимает, как враждебный выпад.

— Бедная, представляю, как тебе тяжело! — воскликнул Пономарев и взял в свои руки ладонь Юлии. Она позволила несколько секунд ее поддержать, затем мягко, но решительно освободилась.

— Поэтому я и здесь. Если бы страдала от его деспотизма только я, я бы стерпела, смирилась. Ты

же знаешь, чем я пожертвовала ради него. Но он того же хочет и от детей, они должны делать только то, что он пожелает. Поэтому я решилась... — Юлия замолчала.

— Что ты решила?

— Юрия надо сместить с должности руководителя компании. Другого выхода нет. Иначе он загубит все наши жизни.

Пономарев от изумления откинулся на спинку стула.

— Ты, в самом деле, решилась на такой поступок?

Она кивнула головой.

— Да.

— Представляю, как тебе было это трудно сделать.

— Иногда приходится наступать на самую себя.

— Мне это хорошо известно, — выразительно посмотрел он на Юлию. — Но что ты хочешь от меня?

— Я пришла к тебе за поддержкой, скоро состоится Совет Директоров. Если все его члены проголосуют против него, он будет свергнут со своего трона. Без твоих голосов это сделать не удастся.

— Разве тебе неизвестно, что я всегда буду на твоей стороне. Когда вы были одним целым с Юрой, я всегда вас поддерживал. Но сейчас, когда

между вами образовалась трещина, я буду поддерживать тебя.

— Спасибо, Петя, — растроганно проговорила Юлия. Она была по-настоящему тронута и благодарна. Но после того, как она добилась своей цели, ей хотелось как можно скорее уйти.

3

Коршунов ехал домой в прекрасном расположении духа. Он был доволен. Анализируя свои действия в деле продвижения к заветному креслу президента компании, он приходил к выводу, что все им было сделано правильно, все предусмотрено и ничего не упущено. Он обложил Саянского флажками, как волка, со всех сторон. Куда он теперь денется. Осталось сделать последний прицельный выстрел и завалить матерого наверняка. Конечно, Коршунов был уверен в своей победе, но при этом, не сбрасывал со счетов элемент случайности, который мог вклиниться во всю так ловко продуманную им комбинацию и произвести разрушительный эффект. Но он старался не заикливаться на плохом, а больше думать о хорошем. И не только думать, но и делать это хорошее.

Поскольку в скором времени в его жизни

должны были произойти кардинальные перемены, то Коршунов решил, что пора перемен должна охватить не только его профессиональную сферу, но и семейную. Им с Галиной не мешало бы подумать о наследнике. Сколько можно тянуть и откладывать рождение ребенка. Странно, конечно, что это ему первому приходит в голову такая мысль. Обычно такими вещами больше озабочены женщины. Но его Галка сама еще суший ребенок. Это ж надо такое нацарапала в своей тетради. Видите ли, она готова любить Саянского и ждать, когда он ее заметит. Конечно, обидно такое однажды прочитав в дневнике своей жены. И в первый момент он вспылал. Но потом поостыл и рассудил здраво. Все бабы такие. Могут предать в любой момент. Так стоит ли менять шило на мыло. Эта уже обнаружила себя и он знает, что от нее ожидать можно. Ну и хрен с ней. Пусть живет в своих иллюзиях. Ждет Саянского, если ей так нравится, но при этом рождает ему, своему мужу, детей, варит щи и гладит рубашки. Теперь она для него, как обслуживающий персонал. А на его век баб хватит. И если что не так, пусть его дражайшая половина не возмущается. Сама виновата. Не надо было пускать слюни по этому старому хрычу. Думает, что Саянский может на нее запасть. Да сдалась она ему. Он то, знает, что Саянского ничего кроме его работы не интересуется, но его

дурища считает иначе. Ну и пусть считает, однажды он еще посмеется над ней.

Настроение Коршунова от всех этих мыслей заметно поднялось. Домой он зашел, сияя, как начищенный самовар.

— Ты что в лотерею выиграл, — буркнула Галина, взглянув на мужа. Она была чем-то недовольна.

— Эх, разлюбезная моя, — Коршунов игриво шлепнул жену по заду, — кто знает. Может и выиграл. Давай тащи все на стол. Я голодный, как волк.

Галину долго уговаривать не пришлось. Что-то, а свое кухарское дело она знала преотлично. На столе в одно мгновение появилась закуска: холодец из курицы, который Галина варила непременно сама, а не покупала в ближайшем супермаркете, маринованные грибочки, его любимая селедка под шубой. У нее она получалась так, что просто пальчики оближешь. Только за одно это ей можно было простить многое и даже Саянского.

Когда Коршунов расправился с первой сменой блюд, тут же подоспела вторая. Его любимый бифштекс с кровью и жареной картошкой, пирожки с капустой, свежие помидоры и огурчики. Когда Коршунов расправился и с этими блюдами, Галина вопросительно посмотрела на него.

— Чай подавать или попозже?

— Немного погодя, — Коршунов сыто откинулся на спинку стула. — Присядь лучше. Разговор есть.

Галина налила себе чашку чая и присела на кушетку.

— Все талию точишь. Не ешь ничего, — Коршунов окинул тонкую, как тростиночка фигуру жены.

Галина не реагировала. Молча пила пустой чай маленькими глоточками. Ему показалось, что она поглощена какими-то своими мыслями.

— Для кого талию точишь хоть. Интересно знать.

— Для тебя, для кого же еще, тусклым голосом произнесла Галина.

— А вот с этим пора завязывать, — многозначительно произнес Коршунов. — Хватит только для себя жить. Пора подумать о продолжении рода.

Рука Галины так и застыла с чашкой около ее губ. В глазах отразилось изумление.

— Что смотришь? — пошел в наступление Коршунов, — как будто первый раз слышишь, что в нормальных семьях положено заводить детей. Род должен продолжаться.

Галина резко поставила чашку на стол, презрительно скривила губы.

— Не понял, — нахмурился Коршунов. — Ты что-то имеешь против?

— Имею. — Галина резко встала и подошла к окну, повернувшись спиной к Коршунову.

— И что тебе не нравится в моем предложении? — начал потихоньку заводиться Коршунов.

— Все! — Галина резко повернулась к мужу. — Я не хочу никого рожать. Понял! — с вызовом выдохнула она и снова отвернулась к окну.

Коршунов так и подскочил на месте. Он метнулся к жене, резко рванул ее за плечо.

— Это что за новости!

— Сам рожай, если тебе приспичило. — Галина увернулась от руки мужа.

— Не понял! А ну объясни, что ты имеешь в виду.

— А то! Что я не хочу от тебя ребенка! Таким, как ты противопоказано иметь детей! — выкрикнула Галина. — Потому что у ребенка должен быть отец! Настоящий! Сильный, крепкий, мужественный!

— Такой, как Саянский? — сквозь зубы процедил Коршунов.

— А хоть бы! Он мужчина! А ты кто? Тряпка, о которую твой шеф постоянно вытирает ноги. Я не хочу, чтобы наш ребенок видел это.

Дура! — Рука Коршунова взметнулась над

лицом жены для удара, но он не сделал этого. А последний момент сумел взять себя в руки. — Да знаешь ли ты, что скоро твоему Саянскому конец придет. И знаешь, кто устроит ему этот конец? Знаешь? — орал он, наступая на жену. — Я его сам прикончу. Вот этими руками. Видела?

— Ты что хочешь его убить? — глаза Галины наполнились ужасом.

— Идиотка! На кой мне марать об него руки. Я его просто вышибу из его тепленького президентского кресла. И для этого уже все готово! Я всех, всех настроил против него. Даже его детей! Даже его собственную благоверную! И теперь на собрании он не получит ни единого голоса. Поняла, кретинка! — Коршунов выскочил из кухни, саданув дверью так, что зазвенели стекла. В спальне он бросился на кровать прямо в одежде, досадуя на себя за то, что так неосторожно проговорился перед женой о своих планах.

4

Саянский поглядывал на часы. Через десять минут у него назначена встреча с Галиной, женой его племянника. Она позвонила сегодня утром и взволнованным голосом сказала, что ей надо сообщить ему что-то очень важное. Странно для чего ей понадобилось назначать ему встречу в кафе.

Можно вполне было поговорить в офисе их компании, где она работала в бухгалтерии. Или дома в их уютной столовой. Полина наверняка напекла сегодня его любимых пирожков на ужин. Хотя, вспомнил Саянский, Галина, кажется на диете. Так же, как и его жена. Ох, уж эти женщины. Вечно озабочены всякой ерундой.

Саянский просматривал меню, прикидывая, что заказать Галине. Себе он попросил порциюпельменей. Галина, наверное, посмотрит на него с осуждением. Но, что поделать, он страшно обожает все мучное и при этом нисколько не полнеет. В свои пятьдесят четыре у него до сих пор фигура юноши. Просто невозможно при таком подарке природы не согрешать грехом чревоугодия. Немного поколебавшись, Саянский решил на свой страх и риск заказать Галине свежавыжатый апельсиновый сок и фруктовый салат. Обычно этот набор заказывает Юлия, когда им приходится посещать кафе или рестораны. Впрочем, в последний раз это было давненько.

Галина появилась в кафе ровно в семнадцать ноль- ноль, как они и договаривались.

— Приятно видеть в такой молодой леди такую предельную пунктуальность. — Саянский отодвинул стул и помог Галине сесть.

— Во мне еще много есть черт, которые могут не менее приятно удивить вас, — прощепетала

Галина, очаровательно улыбнувшись.

— Для этого женщине надо совсем немного. — Саянский подвинул к ней поближе салат и сок. — Надо уметь быть преданным своей семье и в первую очередь соблюдать ее интересы. А то многие современные женщины забыли, что это такое и кинулись делать карьеру.

— Вы их осуждаете за это?

— Нет. Просто не понимаю, — Саянский принялся за пельмени. У него вдруг прорезался страшный аппетит.

Галина манерно ковыряла ложкой в салате и не торопилась посвящать Саянского в дело, ради которого она позвала его. Она до сих пор сомневалась, правильно ли она поступает, собираясь рассказать ему все, что она узнала от мужа. Но, она прекрасно понимала, раз уж она здесь, то обратной дороги у нее уже нет. Галина собралась с духом, наконец.

— Юрий Александрович, — начала она, — вы только что сказали, что женщина должна быть преданной своей семье.... — Галина замолчала смутившись.

— Да, сказал и что?

— Я ведь тоже являюсь членом вашей семьи... в некотором роде.

— Почему в некотором роде, — удивился Саянский, — вы и есть моя семья. Правда, я не

знаю, как вас правильно величать. Я совсем не разбираюсь в родственниках и регалиях. Вы приходите мне невесткой или кем-то еще? Может, подскажите?

— Я тоже не знаю, — виновато улыбнулась Галина. — Я имела в виду, что я вам не кровная родственница, как Валерий. Но, несмотря на это, вы мне как родной. И поэтому я пришла, чтобы сказать, точнее, предупредить вас... — Галина никак не могла произнести главные слова, ради которых пришла сюда.

— Ну, же, смелее, не смущайтесь. Говорите. Я слушаю вас очень внимательно. — Саянский даже прекратил есть. Дурные предчувствия охватили его. Он понял, что услышит сейчас что-то очень неприятное. Было бы приятное, она бы давно все сказала.

Но то, что он услышал, превзошло все его ожидания. Когда Галина, справившись кое-как со смущением, озвучила, наконец, то, ради чего попросила о встрече, Саянский сначала не поверил ушам своим. Против него заговор? Да еще в своей собственной семье? Бред какой-то. Нет! Этого не может быть. Может быть, девчонка что-то напутала? Но девчонка горячо уверяла его, что она все поняла правильно, что его племянник собственными руками все это и устроил.

Когда Галина ушла, Саянский глубоко

задумался. Во-первых, верить или не верить. Он решил, что не стоит отмахиваться от этой информации. Может, Галина просто сгустила краски и все не обстоит так мрачно на самом деле. Хотя дыма без огня, как правило, не бывает. Он всегда считал: предупрежден, значит вооружен. И поэтому в самое ближайшее время, уже завтра утром, примет надлежащие меры. Он покажет этим заговорщикам!

И все же его больше всего обескуражило другое. Если все, что он услышал сегодня правда, то это означает, что его предали самые близкие люди. Те, которых он любил и продолжает любить до сих пор, те, кого он, можно сказать, кормил из рук своих, те, кто полностью от него зависят. Неужели он заслужил такое вероломство. Саянский отказывался верить в это. Но что-то из глубины души, из самых потаенных ее уголков, нашептывало ему: все, что рассказала ему сегодня Галина и есть самая настоящая правда.

5

Все вроде шло сверхзамечательно, Коршунов и сам не ожидал, что его родственники так легко и так дружно согласятся пойти на стговор, дабы скинуть старика, как нередко в мыслях называл он своего шефа. И все же беспокойство не оставляло

собравшуюся в гостиную компанию. Для полноты замысла нет только Пономарева, но с ним он поговорит отдельно. Зато все остальные без лишних слов откликнулись на его приглашение. Даже Юлия.

— Извините, что оторвал вас всех от дел, но я решил, что нам надо всем собраться и кое-что обсудить. Мы все пришли к согласию по очень важному для нас вопросу...

— Валера, можно ближе к делу, — раздался резкий возглас Яны.

Коршунов бросил на нее недовольный взгляд.

— Поверь, Яна, я говорю только о деле. Так вот. Мы все приняли единодушное решение...

— Мы прекрасно помним об этом решение, — вновь прервала его речь Яна. — Говори ясно и не двусмысленно: чего ты от нас хочешь?

— Да, пожалуйста, Валера, переходи к сути, — поддержала дочь мать.

Коршунов перевел взгляд на Юлию и изумился — такой бледной он ее еще ни разу не видел. Он даже испугался, как бы не упала она в обморок.

— Хорошо, изложу самую суть. Не мне вам рассказывать, какой человек Юрий Александрович. Он обладает огромным напором, он очень жесткий, а иногда и жестокий. И когда он услышит, что мы хотим его отставки, нет сомнений, что он не

сдастся, и перейдет в контрнаступление. А каким оно может по силе, вы все прекрасно знаете. И кто-то из нас может не выдержать этого натиска. А ситуация такая: мы можем добиться своей цели только в случае, если все проголосуют одинаково. Если хотя бы один из нас не выдержит этого напора, все пропало.

— Что же ты хочешь, — снова подала голос Яна, — чтобы мы поклялись, что не отступим?

Коршунов, удивленный ее догадливостью, кивнул головой.

— Да, Яночка, именно для этого я и попросил вас прийти сюда. Я предлагаю поклясться в том, что мы все будем едины и проголосуем так, как решили.

— Будем голосовать на крови? — насмешливо поинтересовалась Яна.

— Валера прав, — неожиданно произнесла Юлия, — на предстоящем правлении Совета Директоров нам всем будет очень трудно. И клятва не повредит, наоборот, придаст нам дополнительные силы.

Коршунов признательно улыбнулся ей.

— Это говорит сама мудрость, — сказал он.

— Если вы так оба считаете, то я не против, — пожала плечами Яна.

— А ты что скажешь? — обернулся Коршунов к молчащему Андрею.

Юноша все это время сидел с низко опущенной головой. Он поднял ее и по очереди посмотрел на мать и сестру.

— Я тоже согласен, — негромко произнес он.

— Текст клятвы заготовил? — насмешливо спросила Яна.

— Достаточно, если каждый пообещает, что не поддастся уговорам, ни запугиванию.

— Хорошо, — вдруг резко поднялась со своего места Юлия. — Я обещаю. Этого достаточно? — посмотрела она на Коршунова.

— Вполне.

Юлия кивнула головой и вышла их комнаты.

— Я тоже обещаю, — произнесла Яна.

— А ты? — спросил Коршунов Андрея.

Тот как-то неловко вскочил с кресла. Несколько мгновений он смотрел на Коршунова.

— Конечно, я, как и вы.

Коршунов почувствовал облегчение. По крайней мере, теперь он может чувствовать себя несколько уверенней.

6

Саянский уже не первый час сидел в кабинете. Он не мог поверить в то, что все это происходит на самом деле, но при этом он верил в то, что все так и есть. Борьба этих двух противоположных начал

действовала на него изнурительно, уж лучше бы он работал как в молодости на стройке, клал кирпичи, носил тяжеленные носилки с раствором. К концу смены он так уставал, что иногда было трудно поднять вверх руки. Но тогда внутри него не было и миллиграмма отчаяния, зато жили надежда и уверенность, что однажды все изменится и у него начнется совсем иная жизнь. И самое удивительное в том, что все так и случилось, эта другая жизнь началась и продолжалась до недавнего времени. А вот сейчас у него снова, кажется, назревает крутой поворот. Правда, совсем в другую сторону.

Врачи не советовали ему курить, но сейчас ему было наплевать на все их советы. Еще недавно он был уверен, что у него один из самых надежных тылов, что близкие ему люди могут сердиться на него, быть с ним не согласны, но предать... Такое он не мог вообразить в самом кошмарном сне. Он делал все, что мог, а иногда и больше, чем мог, чтобы и жена и дети были довольны всем, чтобы им жилось хорошо, в достатке, чтобы они ни в чем не нуждались. Он самолично следил за этим, несмотря на свою колоссальную занятость. И вот как отплатили ему за его старания.

Саянский закурил уже, наверное, пятую или шестую сигарету — он сбился со счета. Нет, этого не может быть, Галина что-то напутала, что-то неверно поняла, вдруг решительно подумал он.

Молодая, не шибко умная женщина, что-то краем уха услышала, запаниковала. Да еще и его ввела в заблуждение, заставила мучиться. И что он вообще тут сидит, ему следует поговорить со своими родными. И все выяснится. А этой паникерше он задаст по первое число. Так ведь и инфаркт можно схватить, сердце у него уже не как у молодого, все чаще сдает сбои.

Саянский поднялся и направился к дверям. Но у выхода из кабинета вдруг замер на месте. Им вновь овладели сомнения и плохие предчувствия. Даже если Галина не все правильно поняла, она не могла так кардинально ошибиться. Что-то в их семье происходит? И этот племянничек, Коршунов, у него, Саянского всегда были ощущения, что от него можно ждать любого подвоха. Но чтобы такое! Пригрел змею на груди.

С ним он разговаривать не будет, а вот с Юлией надо немедленно поговорить. Столько они всего пережили, она не может так поступить.

Обычно он входит в ее комнату без стука. Но на этот раз пальцы сама застучали по двери. Юлия пригласила его войти.

Ему показалось, что при виде мужа, она смутилась. И уж точно она стала смотреть мимо него, чего раньше никогда не делала. Саянский ни умом, а подсознанием понял, что его худшие предположения верны.

— Раньше ты не стучался. Что с тобой? — спросила Юлия.

— Это вышло непроизвольно. — Саянский не спускал глаз с жены, впервые он ловил не то, что каждый ее жест, а каждое движение мимики ее лица. — Я пришел для того, чтобы выяснить кое-какие вещи. Мне стало известно, что против меня созрел заговор, и мои родные, можно сказать самые близкие мне люди намерены устранить меня от руководства компанией. И во главе этого заговора жена. Это так? Скажи честно?

Он увидел, как побледнела Юлия. Она молчала, словно была не в силах вымолвить ни слова.

— Я требую ясного и недвусмысленного ответа, — грозно произнес он.

Внезапно что-то изменилось в лице Юлии.

— Ты хочешь ясного и недвусмысленного ответа. Хорошо, ты его получишь, Юра. Да, ты прав, это можно назвать заговором против тебя. Вся наша семья сошлась в едином желании — мы хотим отстранить тебя от руководства компании.

— Да как вы смете! — теряя остатки самообладания, взревел Саянский. — Кто вы такие! Эту компанию я создавал, и я в ней хозяин.

— Да, ты ее создавал, но у нас нет иного выхода. Мы не видим иного способа защиты от тебя, от твоего деспотизма. Ты раздавил, как клопа,

мою жизнь, теперь принялся за жизнь детей. Я долго размышляла над этим, ужасно переживала, пока вдруг окончательно не поняла, что всю жизнь я была твоей, рабыней, а не женой. Я делала только то, что ты хотел. А, что хотела я, тебя никогда не волновало. А раз я раб, то имею полное право на восстание. И я решила воспользоваться своим правом. Мне уже много лет. И остаток своей жизни я желаю прожить так, как желаю я, а не ты. Поэтому я не изменю своего решения.

— Вот значит как! — Саянский вдруг ощутил непривычное для себя чувство растерянности. Он не знал ни что говорить, ни как вести себя в этой абсолютно непривычной ситуации. Перед ним стояла не его жена, а чужая, незнакомая женщина с таким знакомым лицом. Но это уже не имело значения.

— Хорошо, я принимаю ваш вызов. Но ты еще не знаешь, каким беспощадным я могу быть.

— Не знаю, но догадываюсь. И это лишь усиливает мое желание выйти из-под твоей опеки.

— Посмотрим, как это у тебя получится, моя верная фронтовая подруга, — пробормотал Саянский. — Но если проиграешь эту партию, уж не обессудь, пощады не жди.

Не дожидаясь ответа, он выскочил из комнаты. Саянский брел по коридору своего большого особняка, почти не замечая ничего

вокруг. Внутри него бушевал настоящий торнадо. В своей жизни он много чего пережил, сталкивался с такими трудностями, которые, казалось невозможно было преодолеть. Но он все преодолевал, благодаря своей воле, настойчивости, решимости. Но такого отчаяния, такой ярости, как сейчас, не испытывал никогда. Его покорная, тихая, нежная жена, в верности которой он был всегда уверен на все двести процентов, совершенно неожиданно бросила ему вызов, по сути дела его предала. Но когда предают самые близкие и самые верные, кому тогда можно верить.

Внезапно Саянский остановился. Но неужели и дочь против него, его милая, любимая Яна. Он всегда ощущал с ней особую близость, так как чувствовал в ней свое второе я. И характером и даже внешностью она походила на него.

Он устремился по направлению к ее комнате. Распахнул дверь, Яна сидела за столом и рассматривала какой-то рисунок. Опять эта проклятая живопись, которая увела у него дочь, резанула по сердцу мысль.

Увидев разъяренного отца, Яна вскочила и встала так, как встает человек, приготовившийся к обороне.

— Здравствуй, — поздоровался Саянский, — как поживаешь?

— Готовлюсь к свадьбе, — с вызовом